№ 17
88

Высочайшій

МАНИФЕСТЪ

—○○ И ○○—

его значеніе для Русскаго народа.

ОДЕССА.
Типографія Е. И. Фесенко, Ришельевская ул.,
собств. домъ № 49.
1906.

2011094026

2763

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ

И

ЕГО ЗНАЧЕНІЕ ДЛЯ РУССКАГО НАРОДА.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТЬЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Смуты и волненія въ столицахъ и во многихъ мѣстностяхъ Имперіи Нашей великою и тяжкою скорбью преисполняютъ сердце Наше. Благо Россійскаго Государя неразрывно съ благомъ народнымъ, и печаль народная — Его печаль. Отъ волненій, нынѣ возникшихъ, можетъ явиться глубокое нестроеніе народное и угроза цѣлости и единству Державы Нашей.

Великій обѣтъ Царскаго служенія повелѣваетъ Намъ всѣми силами разума и власти Нашей стремиться къ скорѣйшему прекращенію столь опасной для Государства смуты. Повелѣвъ подлежащимъ властямъ принять мѣры къ устраненію прямыхъ проявленій безпорядка, безчинствъ и насилій, въ охрану людей мирныхъ, стремящихся къ спокойному выполненію лежащаго на каждомъ долга, Мы, для успѣшнѣйшаго выполненія общихъ преднамѣчаемыхъ

Нами къ умиротворенію государственной жизни мѣръ, признали необходимымъ объединить дѣятельность высшаго правительства.

На обязанность правительства возлагаемъ Мы выполненіе непреклонной Нашей воли:

1. Даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ.

2. Не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу, привлечь теперь же къ участію въ Думѣ, въ мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости остающейся до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ, засимъ, дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку,

и 3. Установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы, и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за законномѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ Насъ властей.

Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи вспомнить долгъ свой передъ Родиною, помочь прекращенію сей неслыханной смуты и вмѣстѣ съ Нами напрячь всѣ силы къ возстановленію тишины и мира на родной землѣ.

Данъ въ Петергофѣ въ 17 день октября, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятое, Царствованія же Нашего въ одиннадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

I.

Объявленный Государемъ Императоромъ Манифестъ 17-го октября настоящаго года принесъ всему русскому народу живую радость. По крайней мѣрѣ съ чувствомъ неподдѣльнаго восторга узнали о немъ люди всякаго званія и всѣхъ состояній. Всѣмъ казалось, что совершилось великое, давно жданное событіе, принесшее съ собой радость, успокоеніе отъ смутъ, обновленіе многаго, что у насъ обновить слѣдовало. Слово „свобода“ у всѣхъ на устахъ...

Говорятъ, что первое чувство бываетъ самое вѣрное, самое правильное, и, казалось бы, что всѣмъ русскимъ людямъ слѣдуетъ радоваться и готовиться къ огромной предстоящей имъ работѣ на пользу государственную, на счастіе и благополучіе свое. Но къ прискорбію нашлись недовольные; они въ рѣчахъ, обращенныхъ къ народу, старались втолковать, что радоваться нечему, а, наоборотъ, нужно бороться съ Правительствомъ еще болѣе ожесточенно, чтобы добиться сверженія Царской власти, и чтобы тогда, ставши совершенно независимыми, создать новое правленіе — республику, по примѣру немногихъ чужихъ странъ, гдѣ такой образъ правленія существуетъ. Рѣчи этихъ людей далеко не всѣмъ нравились, не всѣхъ убѣждали. Большинство упрекало ихъ въ ненасытности ихъ требованій, обвиняло ихъ въ томъ, что они отнимаютъ у русскаго народа возможность успокоиться и приняться за дѣло.

Пошли споры и раздоры, на улицахъ появились толпы людей. Однѣ съ красными знаменами — это были неудовлетворенные Манифестомъ, другія съ трехцвѣтными, т. е. съ нашими русскими народными флагами — это были вѣрные Царю люди. Доходило дѣло до дракъ, а на слѣдующіе дни и до убійствъ. Однимъ словомъ, вмѣсто успокоенія, безпорядки разгорѣлись еще жарче.

Недовольство и вражду эту посѣяли революціонныя требованія; демонстраціи революціонеровъ возбуждали столкновенія, а когда несогласные съ ними люди стали имъ противиться, а мѣстами дошли даже до разгромовъ, то революціонеры обвинили въ этомъ Правительство, будто бы оно научало темный народъ и разныхъ бродягъ производить безпорядки. Гдѣ же тутъ правда? Развѣ можетъ Правительство быть довольно бунтами и безпорядками? Вѣдь отъ этихъ бунтовъ хуже всѣхъ приходится самому же Правительству, потому что только тогда оно и сильно, когда народъ спокоенъ, когда его всѣ слушаются, а если уже пошли бунты да мятежи, то и само Правительство находится въ опасности. Вѣдь Правительство въ Государствѣ — все равно, что хозяинъ въ семьѣ. Какой же благоразумный хозяинъ станетъ на свою-же голову накликать ссоры и семейныя непріятности!

Каждому извѣстно, что если въ семьѣ заведется недругъ, желающій отдѣлиться и жить своимъ хозяйствомъ, то, что ни дѣлай старшой въ семьѣ — все будетъ ему не по вкусу. Такъ и у насъ въ Россіи — многимъ захотѣлось жить по своему, по новому, вотъ они и пытаются вселить рознь и неудовольствія въ великую русскую семью, пытаются выдѣлиться изъ нея, да и самую Россію передѣлать на свой образецъ, чтобы имъ вольготнѣе было распоряжаться всѣмъ и всѣми.

Не станемъ даже судить о томъ, хорошо или дурно будетъ, если Россія раздѣлится на разныя семьи, на отдѣльныя провинціи: все это мы говоримъ только для того, чтобы показать, насколько далеко зашли разныя требованія и можетъ ли Русскій Царь исполнить ихъ. Если же эти требованія неисполнимы, то и весьма понятно, что тѣ, кто ихъ поднимаютъ, недовольны Царскимъ правленіемъ.

Говорятъ тоже, что не надо вовсе Государственной Думы, которая соберется, какъ указано Царемъ, и постепенно разрѣшитъ всѣ дѣла; а надо, будто бы, созвать такое собраніе, подъ названіемъ „Учредительное Собраніе“, которое раньше должно рѣшить, не надо ли все сразу въ Россіи перемѣнить, можетъ быть и самую Царскую власть упразднить и власть эту отдать самозваннымъ правителямъ. Это такую смуту можетъ вызвать въ Государствѣ, что съ ней никому не справиться. Да и не всѣ требованія революціонеровъ мы выяснили; есть желанія, еще болѣе неисполнимыя, касающіяся даже не одной Россіи, а всего міра, всѣхъ людей. Сами революціонеры прямо говорятъ, что они борются не только съ русскимъ Правительствомъ, но и со всѣмъ нынѣшнимъ строемъ жизни, и что борьбѣ этой они конца не видятъ и будутъ бороться до безконечности, не давая людямъ успокоиться и наживать добро, такъ какъ всякое личное имущество, по мнѣнію ихъ, есть и неправда, и преступленіе. Вотъ и посудите теперь, что можетъ сдѣлать Русскій Царь и его Правительство, чтобы мирнымъ путемъ успокоить революціонеровъ? Не можетъ же Онъ завести такіе порядки, которые революціонерамъ нравятся; значитъ, что Царь ни дѣлай, все будетъ для революціонеровъ недостаточно. Но, къ счастью, революціонеровъ у насъ на Руси не такъ много, хотя они очень хитро ведутъ свои дѣла и успѣшно сѣютъ недовольство, пользуясь всѣмъ, что имъ на руку: и народною бѣдностью, и народной темнотой. Иногда называютъ они себя друзьями народа, заботятся какъ-будто о его благѣ, а думаютъ только о томъ, какъ бы достигнуть своего. Недавно собралось въ Москвѣ нѣсколько людей, и крестьянъ-то настоящихъ между ними не было, назвали себя „Всероссійскій крестьянскій союзъ“ и стали постановлять рѣшенія, что они одни понимаютъ, что для крестьянъ надо, что никакого начальства слушаться не слѣдуетъ и что они одни сумѣютъ крестьянскую долю облегчить. И станутъ имъ нѣкоторые вѣрить и требовать „Учредительнаго Собранія“ и насильно отнимать у помѣщиковъ земли; только изъ всего этого мало выйдетъ толку.

Видя свою силу въ народномъ недовольствѣ, революціонеры всѣми способами стараются его поддержать, подогрѣть, и больше всего на свѣтѣ боятся успокоенія, а потому они страшные противники всему, что такъ или иначе можетъ дѣйствительно облегчить народную нужду и бѣдность и превратить народъ изъ вѣчно недовольнаго въ спокойный и мирный.

Государственная Дума и Высочайшій Манифестъ 17 октября являются именно такими средствами, которыя вполнѣ

могутъ облегчить народную нужду и успокоить народъ, и вотъ поэтому-то революціонеры съ такой необычной враждой накинулись и на Думу, и на Манифестъ, всѣми силами стараясь не допустить ихъ осуществленія.

Мы же, въ цѣляхъ выясненія истиннаго значенія Манифеста 17 октября, разскажемъ, въ чемъ суть его и что этотъ Манифестъ дастъ русскимъ подданнымъ. Но, прежде чѣмъ говорить объ этомъ, въ краткихъ словахъ изложимъ—почему и для чего было необходимо дать русскому народу тѣ права, которыя ему Манифестомъ предоставлены.

II.

До сего времени въ теченіе многихъ лѣтъ у насъ на Руси былъ такой порядокъ правленія, при которомъ Царь Самодержавный былъ единственнымъ законодателемъ и распорядителемъ ввѣренной Ему Богомъ Россіи. Однако, каждому понятно, что не можетъ самъ Царь лично видѣть и знать, что дѣлается на огромныхъ пространствахъ Россійской Имперіи, раскинувшейся на двѣ части свѣта, протянувшейся на десятки тысячъ верстъ, населенной почти 135 милліонами жителей. Есть у насъ въ Россіи такія отдаленныя мѣста, до которыхъ въ нѣсколько мѣсяцевъ разъ почта доходитъ, а которыя мѣста поближе, то они густо заселились, народъ тамъ стѣснился, и всякихъ нуждъ и неустройствъ имѣется многое множество. Одному Царю, Самому лично, всей нужды народной обсудить и исправить нѣтъ никакой возможности. До сего времени въ помощь Себѣ Государь избиралъ своихъ довѣренныхъ людей, разныхъ высшихъ сановниковъ, и поручалъ имъ, въ свою очередь, назначать себѣ сотрудниковъ, разныхъ чиновниковъ, служащихъ непосредственно среди народа. По прежнимъ временамъ иного порядка у насъ на Руси и быть не могло, потому что грамотныхъ и вообще просвѣщенныхъ людей среди народа было очень мало и некого было привлечь на службу Государству помимо дворянъ да чиновниковъ.

Но, послѣ освобожденія отъ крѣпостной зависимости, за 45 лѣтъ, протекшихъ съ той поры, народъ русскій понемногу сталъ образовываться и навыкать къ дѣламъ общественнымъ и государственнымъ. Грамотныхъ у насъ теперь среди простого народа на кругъ до двадцати пяти человѣкъ на 100, а къ дѣламъ общественнымъ многіе попривыкли, участвуя въ дѣятельности земства въ качествѣ гласныхъ. Кромѣ того, прежде, когда не было желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ, многіе изъ деревенскихъ жителей и въ городѣ ни разу не бывали, теперь же почти каждый по чугункѣ не только до ближайшаго города доѣдетъ, но многіе и въ столицахъ побываютъ. Однимъ словомъ, народъ развился, узналъ многое, что ему раньше въ диковину было, и уже каждый желаетъ жить своимъ умомъ. Теперь каждый судитъ по своему и если видитъ какую-либо ошибку или несправедливость—становится недовольнымъ и доискивается своихъ правъ. А вѣдь при каждомъ правленіи недовольныхъ бываетъ много; одни недовольны бываютъ за дѣло, другіе напрасно,—какъ бы то ни было, недовольство наростаетъ, и каждому думается, что „вотъ, молъ, кабы я правилъ, такъ я дѣлалъ бы всегда по правдѣ и никогда бы не ошибался“.

Давно уже на Руси стали поговаривать о томъ, что нужно бы дать народу возможность управляться самому въ нѣкоторыхъ своихъ мѣстныхъ дѣлахъ да и въ нужды государственныя вникать. При этомъ всегда ссылались на нашихъ западныхъ сосѣдей, на чужеземныя государства, въ которыхъ народъ уже давно принимаетъ участіе въ дѣлахъ государственныхъ, и тамъ отъ такого участія не только никакой бѣды не выходитъ, но и польза государственная получается. Но не всѣ люди одинаково думали. Нѣкоторые полагали, что Россія еще не доросла до народнаго участія въ дѣлахъ государственныхъ, и всѣми силами противились введенію у насъ какихъ-либо новшествъ. Такъ дѣло шло до минувшей японской войны. Когда же эта несчастная война принесла намъ столько бѣдъ, многіе стали винить во всемъ наше неустройство, нашъ устарѣлый образъ правленія.

Причины военныхъ неудачъ нашихъ не въ одномъ образѣ правленія крылись, вѣдь не мѣшалъ же этотъ старый порядокъ русскимъ побѣдоносно закончить многія войны, побѣждать враговъ и сильнѣйшихъ и не менѣе, по

своему времени, просвѣщенныхъ, нежели японцы,—неудачи эти заключались въ отдаленности мѣста войны отъ главныхъ силъ страны, да въ тѣхъ внутреннихъ безпорядкахъ, которыя повсюду въ это время произошли; но, какъ бы то ни было, а войну, несмотря на всю храбрость нашихъ войскъ, мы проиграли, а вотъ тутъ-то и обрушились всѣ на старый порядокъ, который, къ слову сказать, дѣйствительно уже требовалъ поправокъ.

Увидѣлъ Государь Императоръ, что настало неотложное время обновить русскій правительственный строй, что нельзя ужъ по прежнему всю надежду возлагать на однихъ чиновниковъ, что самъ народъ русскій лучше знаетъ свои нужды и скорѣе можетъ помочь въ исправленіи ихъ. И вотъ, за послѣдній годъ обнародовано было нѣсколько Высочайшихъ Манифестовъ, все болѣе и болѣе приближавшихъ народъ, въ лицѣ его избранниковъ, къ Царю и къ государственнымъ дѣламъ. Законъ о Государственной Думѣ и Манифестъ 17 Октября, дополняющій и распространяющій этотъ законъ, открыли передъ русскимъ народомъ **новую, свободную, правовую жизнь.**

Что такое Государственная Дума и въ чемъ заключается ея главный смыслъ, извѣстно уже большинству народа, а потому не станемъ вдаваться въ подробное толкованіе этого учрежденія, сказавъ лишь, что собранные въ Думѣ избранники народа выяснятъ Государю истинныя нужды народныя и создадутъ законы, для населенія подходящіе.

Для того, чтобы дѣятельность Государственной Думы была истинно-справедливой и выражала настоящую волю народную, Государю Императору благоугодно дать подданнымъ Россіи справедливое избирательное право, которое обезпечивало бы то необходимое условіе, чтобы члены Государственной Думы были дѣйствительно свободно избранными самимъ народомъ, а не навязаны ему кѣмъ бы то ни было. Дѣло это далеко не легкое и не простое. Для этого необходимо дать народу многія новыя права, а кромѣ того, и существующее нынѣ правленіе нѣсколько переустроить, приспособивъ его къ предстоящей всенародной государственной дѣятельности.

Прежде всего Государю Императору угодно было признать въ Высочайшемъ Манифестѣ необходимымъ объединить дѣятельность высшаго Правительства. Всѣ министры всегда являлись ближайшими исполнителями воли Государя, но прежде каждый министръ докладывалъ Государю свои дѣла самостоятельно, не совѣщаясь съ другими министрами. Когда всѣ дѣла рѣшалъ самъ Государь, тогда Онъ имѣлъ возможность направлять дѣятельность отдѣльныхъ министровъ по одному общему пути; теперь же, когда законы будутъ создаваться при участіи Государственной Думы, становится необходимымъ, чтобы всѣ предположенія въ дѣлахъ, прежде чѣмъ внести ихъ на разсмотрѣніе Думы, были сообща обсуждены всѣми министрами, подъ руководствомъ одного старшаго министра, называемаго Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Необходимо это для того, чтобы въ дѣлахъ не было разногласія, чтобы избранники народные, собравшись въ Государственную Думу, получали законодательныя предположенія вполнѣ законченныя и обсужденныя со всѣхъ сторонъ. Кромѣ того, и для самого государственнаго порядка выгоднѣе, чтобы во главѣ высшихъ исполнительныхъ силъ Государства, стоялъ одинъ человѣкъ, съ котораго Государь и Государственная Дума могли бы спросить, какъ онъ выполнилъ волю Царя и народа, а этотъ высшій министръ, въ свою очередь, имѣлъ бы власть надъ остальными ему подчиненными министрами и давалъ-бы имъ указанія, какъ нужно исполнять государственныя дѣла.

Далѣе, въ Манифестѣ сказано, что всѣмъ гражданамъ Россіи теперь дана свобода слова, свобода совѣсти, свобода собраній и союзовъ. Прежде нежели толковать о всѣхъ этихъ правахъ, надо хорошо понять, что значитъ собственно **законная свобода.**

Свобода не есть самоволіе, произволъ, когда каждый можетъ поступать, какъ ему угодно, не заботясь о томъ, что скажетъ законъ, что скажутъ другіе люди. Въ правильно устроенномъ государствѣ каждая свобода ограничивается закономъ, т. е. каждый гражданинъ воленъ дѣлать только то, что не запрещается закономъ, и въ этихъ законныхъ правахъ никто уже препятствовать ему не долженъ. Такъ и Манифестъ 17 октября означаетъ, что Государь рѣшилъ

дать русскому народу свободу, которая необходима, чтобы жизнь народная могла правильно и безпрепятственно развиваться, но какъ эта свобода должна примѣняться къ жизни — укажетъ законъ.

Разсмотримъ теперь, что же такое дарованная намъ свобода.

Свобода слова значитъ, что нынѣ каждый можетъ по совѣсти говорить и писать все, что онъ думаетъ о дѣлахъ общественныхъ и государственныхъ; можетъ говорить о непорядкахъ, которые онъ видитъ въ жизни, о томъ, какъ исправить эти непорядки, какъ устроить Русское Государство такъ, чтобы всѣмъ жилось просторно и привольно въ широкой Русской Землѣ. Еще недавно каждый, а въ особенности, невластный человѣкъ, боялся говорить о многомъ, а если и говорилъ, то шепотомъ, потихоньку, опасаясь—не услышало бы начальство, не прогнѣвалось бы оно за смѣлое слово. Теперь каждый можетъ говорить, не справляясь о томъ, нравится ли это начальству или нѣтъ, слушаясь своей совѣсти, своего разума. Въ настоящее время и крестьяне, и всякій вообще человѣкъ смѣло можетъ говорить о своихъ общественныхъ нуждахъ, о разныхъ неправильностяхъ и обидахъ. Въ этомъ свобода слова и заключается.

Только вотъ чего нельзя говорить и писать и при свободѣ слова: нельзя распускать завѣдомую ложь, нельзя говорить и писать неправду про другого, отъ которой человѣку обидно, которая вредитъ ему. Нельзя никого подговаривать на убійство, на кражу, на буйство, на разбой, на поджогъ и вообще на всякое преступленіе, а въ особенности на вооруженный мятежъ противъ дѣйствующихъ законовъ и Правительства. Да нынѣ въ этомъ и надобности нѣтъ, такъ какъ народу даны права черезъ Государственную Думу измѣнять неподходящіе законы, спрашивать съ властей, которыя не по праву поступаютъ, значитъ, нынѣ и мирнымъ путемъ совершенно возможно сдѣлать, что нужно.

Нарушителямъ закона и теперь, не взирая на дарованную свободу, за преступленіе будетъ судъ и отвѣтственность, потому что никакіе законы не позволяютъ дѣлать злыя, неправильныя дѣла.

Свобода совѣсти предоставляетъ каждому исповѣдывать ту вѣру, которую онъ лично признаетъ правильной. Поэтому именно при свободѣ совѣсти никто не вправѣ насиловать убѣжденія другого и принуждать его принять свою вѣру.

Объявлена потомъ **свобода собраній**.

Прежде для того, чтобы собраться людямъ вмѣстѣ, чтобы сообща обсудить интересующія ихъ дѣла, нужно было просить разрѣшенія начальства. Такія разрѣшенія если и давались, то подъ условіемъ говорить только о томъ, что позволено, не касаясь дѣлъ общегосударственныхъ; да и вообще отъ начальства зависѣло разрѣшить или не разрѣшить людямъ собираться.

Одни крестьяне могли собираться на сходы, да и то позволялось имъ говорить на сходахъ только о своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ, которыя были даже перечислены въ законѣ; если же крестьяне вздумали бы говорить на сходѣ о чемъ-нибудь постороннемъ, ну, хотя бы, напримѣръ, о распредѣленіи нашихъ государственныхъ средствъ, то этого никто не позволилъ бы, а коли они составили бы на такой разговоръ общественный приговоръ, то онъ, какъ незаконный, былъ бы немедленно отмѣненъ. У другихъ же жителей и такого права не было, и если собирались гдѣ-нибудь, не спросясь начальства много людей, то ихъ разгоняли силой. Это потому, что прежнимъ закономъ не разрѣшались собранія, не было свободы собраній. Теперь не требуется разрѣшенія для устройства собраній, а надо будетъ только, чтобы начальство знало, когда и гдѣ соберутся. Теперь никто не можетъ запретить народу собираться и обсуждать свои дѣла, лишь бы не было буйства, драки и насилій однихъ надъ другими. Если же что-нибудь подобное случится, то для водворенія порядка и нынѣ приходится прибѣгать къ силѣ и разгонять бушующую толпу.

Свободно собираясь на собранія, нельзя, однако, въ то же время мѣшать собираться и другимъ, иначе думающимъ людямъ, на другое собраніе. Сколько головъ — столько и умовъ; у всякаго свои мысли, свои нужды и желанія, и кто не позволяетъ другимъ говорить, что имъ требуется,— тотъ не уважаетъ свободы слова и свободы собраній.

Кромѣ того, народу дана **свобода союзовъ**. Это тоже большое облегченіе въ жизни народа. Союзами называются

соглашенія людей, направленныя на ихъ общую пользу. Это какъ бы вродѣ артелей. Всѣмъ извѣстно, что каждый человѣкъ, отдѣльно взятый, слабъ, не въ силахъ онъ бороться за свои права и выгоду, а если соберется много людей, живущихъ однимъ трудомъ, одной жизнью, то они сообща составятъ такую силу, съ которой всякому считаться приходится. Возьмемъ, для примѣра, хотя бы рабочихъ. Каждый рабочій порознь не въ состояніи защищать свои интересы; хозяинъ его прогонитъ, если рабочему вздумается заговорить объ улучшеніи своего быта, ну, а если рабочіе цѣлой фабрики или даже нѣсколькихъ фабрикъ составятъ союзъ и всѣ сообща заявятъ о томъ, что имъ нужно, то тутъ уже каждому хозяину придется пойти на возможныя уступки, чтобы сразу не лишиться рабочей силы. Однако не слѣдуетъ злоупотреблять правомъ союзовъ или, какъ ихъ по просту называютъ, **стачками**. Дѣло въ томъ, что желанія людей бываютъ ненасытны; иной разъ требуютъ невозможнаго. Напримѣръ, если рабочіе пожелаютъ, чтобы имъ увеличили плату на очень большую сумму и въ то же время значительно сократили трудовое время, то владѣльцамъ завода такія требованія могутъ оказаться не подъ силу, фабрика будетъ давать убытокъ, а въ убытокъ кому же охота вести дѣло. Вотъ поэтому-то теперь, къ сожалѣнію, часто случается закрытіе фабрикъ, и рабочіе, вмѣсто выгоды, лишаются заработка; а во всемъ этомъ виновато неблагоразуміе, чрезмѣрность требованій. А то еще и такъ случается, что рабочіе и разные служащіе прекращаютъ работу не вслѣдствіе недовольства хозяиномъ или своей службой, а по причинамъ политическимъ, т. е. требуя, чтобы Правительство сдѣлало то, что имъ хочется. Вотъ тутъ опять бѣда: вѣдь хозяинъ фабрики или какого-нибудь дѣла не можетъ дать своимъ служащимъ того, что они требуютъ — это зависитъ не отъ него, а отъ Правительства, а между тѣмъ фабрика его стоитъ, онъ несетъ убытки, и, въ концѣ концовъ, увидя, что забастовки повторяются чаще и чаще, — прекращаетъ свое занятіе, потому что выгоды отъ него получить не можетъ. Вотъ къ какимъ нежелательнымъ послѣдствіямъ приводитъ неумѣренное и неправильное пользованіе правомъ союзовъ и стачекъ. Стачки стали нынѣ орудіемъ политической борьбы, а потому онѣ разгораются все съ большей

и большей силой и не видно имъ конца; страна, родина наша, несетъ отъ этихъ стачекъ неисчислимые убытки. Да и сами рабочіе разоряются въ конецъ, способствуя своими забастовками закрытію фабрикъ и заводовъ, паденію промышленности въ Россіи. Разрушать и уничтожать то, что наживалось и устраивалось многими десятками и даже сотнями лѣтъ труда, совсѣмъ не мудрено, для этого ни ума, ни умѣнья не требуется, былъ бы буйный нравъ, да грубая сила, а вотъ наживать да устраивать все снова — гораздо труднѣе, снова придется ждать много лѣтъ, чтобы промышленность наша стала на прежнюю точку развитія, чтобы фабрики и заводы стали по-прежнему работать; а до того времени куда же дѣнется фабричный рабочій, отвыкшій отъ земледѣльческаго труда и отъ деревенской жизни? Что онъ будетъ дѣлать? Вѣдь пустые деревенскіе щи уже не вкусны ему покажутся. Надо не забывать, что рабочій на фабрикѣ и нынѣ зарабатываетъ отъ 25 до 50 рублей въ мѣсяцъ, а хорошіе мастера — и гораздо болѣе; на деревенскомъ же хозяйствѣ крестьянинъ и въ годъ едвали заработаетъ своимъ личнымъ трудомъ столько, сколько рабочій въ мѣсяцъ получаетъ. Не помогутъ тутъ никакіе надѣлы земли, — хоть 20 десятинъ на душу дай непривычному къ земледѣлію человѣку — онъ использовать ее не сумѣетъ и будетъ голоднымъ сидѣть.

Да и крестьянство, настоящіе хлѣбопашцы, едва-ли будутъ довольны, если удобная для посѣвовъ земля понадобится и городскимъ рабочимъ. Да и откуда брать эту удобную землю, - ее вовсе уже не такъ много, чтобы можно было вѣхъ безъ разбора надѣлить удобными землями до-сыта. Вотъ и выходитъ, что, подрывая нашу промышленность, фабричные рабочіе подрываютъ собственное же благополучіе. Казалось бы, что всякому благоразумному человѣку и безъ всякихъ доказательствъ ясно, что только такое соглашеніе трудящагося люда, т. е. такой союзъ или стачку можно признать законной и полезной, которая не клонится къ гибели самого дѣла, самого предпріятія, отъ котораго рабочіе имѣютъ заработокъ.

Нечего уже и говорить о томъ, что вполнѣ неумѣстны союзы и стачки служащихъ въ какихъ-либо учрежденіяхъ, имѣющихъ значеніе общегосударственное, и, особенно, полу-

чающихъ за свою службу отъ казны жалованье. За послѣднее время, напримѣръ, стали бастовать желѣзныя дороги, почта и телеграфъ. Служащіе въ этихъ учрежденіяхъ люди требуютъ себѣ не только прибавки жалованья и вообще улучшенія условій ихъ службы, но предъявляютъ и другія требованія, исполнить которыя немедленно прямо-таки невозможно, потому что они касаются интересовъ всего народа, всего Государства, и прежде всего надо бы спросить у народа, т. е. у его избранниковъ: пожелаютъ ли они того же, чего требуютъ нѣкоторые телеграфные или желѣзнодорожные служащіе. Между тѣмъ, забастовки происходятъ и приносятъ неисчислимыя бѣдствія странѣ. Когда забастовали желѣзныя дороги, то по нимъ не стало возможности перевозить, напримѣръ, хлѣбъ въ голодающія губерніи, а у насъ въ нынѣшнемъ году въ 26 губерніяхъ неурожай и для пропитанія крестьянъ туда посылается казенный хлѣбъ. Вотъ и выходитъ, что отъ желѣзнодорожной забастовки больше всего страдаютъ тѣ, кто и безъ того судьбой обиженъ — голодающій народъ. Одни добиваются, чтобы имъ сейчасъ же, ни мало не медля, дали разныя права, а другимъ черезъ это ѣсть нечего. Какая же это свобода!

Говорятъ многіе, кто стоитъ за забастовки и революцію, что все это дѣлается для того, чтобы въ будущемъ народу хорошо жилось. Хорошо-ли будетъ или дурно народу — это еще „бабушка на-двое сказала“, а пока этого хорошаго достигнемъ, — успѣемъ наголодаться вволю и такую уйму слезъ и крови пролить, что и это будущее счастье не сладкимъ покажется.

Гораздо было бы разумнѣе добиваться того же благополучія другимъ путемъ — путемъ законнымъ и спокойнымъ, благо Манифестъ 17 октября далъ на это народу русскому полную возможность. Въ Манифестѣ сказано, что законы теперь будутъ издаваться только такіе, которые будутъ одобрены Государственной Думой, т. е. народными избранниками. Если народъ выберетъ хорошихъ людей, дѣйствительно желающихъ пользы отечеству, то и законы они создадутъ хорошіе, при которыхъ жизнь для всѣхъ будетъ свободна. Вотъ поэтому-то народъ и долженъ бы радоваться Манифесту. Тогда не понадобится для достиженія разныхъ желаній и требованій устраивать смуту и мятежи. Рѣше-

ніямъ Государственной Думы всѣ, кому дорого благополучіе родины, подчинятся: не станетъ спорить и власть правительственная, ибо сама же она установила и рѣшила: какъ скажетъ Государственная Дума — тому и быть. А то теперь требованія исходятъ не отъ народа, а отъ отдѣльныхъ лицъ или небольшихъ собраній людей, никѣмъ не уполномоченныхъ. Развѣ возможно считать такія рѣшенія волей народа и имъ подчиняться? Отъ этого происходятъ нынѣ всякія прискорбныя событія: забастовщики и разные люди, самовольно требующіе себѣ правъ, прибѣгаютъ къ угрозамъ и безпорядкамъ, насилуя свободу несогласныхъ съ ними. Этихъ забастовщиковъ приходится разгонять принудительно, иногда съ помощью оружія и войскъ, потому что насильственныя требованія незаконны, а послѣ того тѣ же забастовщики жалуются, что Правительство не исполняетъ своихъ обѣщаній: „дали, молъ, свободу слова, собраній и союзовъ, а на дѣлѣ разгоняютъ эти собранія силой“. Жалобы эти несправедливы, потому что дана свобода, но свобода правильная, къ достиженію ея указаны законные пути, т. е. сказано, что свобода эта должна осуществиться черезъ Государственную Думу, а не самовольно, отдѣльными лицами или случайно собравшейся толпой.

Въ заключеніе Высочайшаго манифеста **Государь Императоръ призываетъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи вспомнить долгъ свой передъ Родиною и напрячь всѣ силы къ возстановленію тишины и мира на родной землѣ.** Государемъ Императоромъ дарованы великія милости русскому народу. Одна изъ нихъ, какъ мы видѣли, заключается въ дарованіи русскому человѣку гражданской свободы. Уже выше было объяснено, что пользованіе этой свободой должно осуществляться безъ насилія надъ другими лицами. Такимъ образомъ, гражданская свобода возможна только, если каждый человѣкъ будетъ относиться къ другому, какъ бы онъ относился къ самому себѣ.

Есть и такіе люди, которые думаютъ, что они, нападая на иновѣрцевъ, напримѣръ, на евреевъ, стараются для Бога.

Какое ужасное заблужденіе!

Забыли они, что Христосъ далъ людямъ любовь, а не злобу: въ Священномъ Писаніи сказано, что для Бога нѣтъ ни эллиновъ, ни іудеевъ, и всѣ люди передъ Нимъ равны

одинаково, всѣ люди, по завѣту Господню, должны любить другъ друга, – значитъ всякій, кто призываетъ къ насиліямъ надъ кѣмъ бы то ни было, есть бунтовщикъ противъ закона и великій грѣшникъ передъ Богомъ.

Великій Учитель человѣчества Господь нашъ Іисусъ Христосъ проповѣдывалъ: „Возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твоею и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ: сія есть первая и наибольшая заповѣдь; вторая же подобна ей: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя; на сихъ двухъ заповѣдяхъ утверждается весь законъ и пророки“ (Св. Евангеліе отъ Матѳея глава 22, ст. ст.: 37, 38, 39 и 40-й). Святой Апостолъ Павелъ въ первомъ своемъ посланіи къ Римлянамъ поясняетъ сіи слова Іисуса Христа и говоритъ: „любовь не дѣлаетъ ближнему зла; и такъ любовь есть исполненіе закона“ (глава 13, стихъ 10).

Къ миру и призываетъ теперь Русскій Царь Свой возлюбленный народъ, ибо безъ такого мира невозможно его благоденствіе. А этого благоденствія Своего народа Государь желаетъ превыше всего, даруя ему столько милостей. Обязанность всѣхъ и каждаго исполнить волю своего Царя и способствовать Ему въ желаніи сохранить тишину и миръ на родной землѣ. Только этимъ населеніе Россіи и можетъ помочь своему Государю въ проведеніи совмѣстно съ Нимъ такихъ законовъ, которые послужили бы на пользу отечества.

Дозволено цензурою. Одесса, 27 января 1906 года.
Типографія и Хромолитографія Е. И. Фесенко, Ришельевская ул., соб. домъ № 49.